

ТРАГЕДИЯ РУССКОЙ МИКРОБИОЛОГИИ

К. Г. ВАСИЛЬЕВ

Одесса

В 1930 г. сразу в нескольких университетских городах Советского Союза был арестован ряд известных отечественных микробиологов и эпидемиологов.

В Москве был арестован директор Института инфекционных болезней им. И. И. Мечникова известный микробиолог профессор Степан Васильевич Коршун (1868—1931), в Санкт-Петербурге — микробиолог, эпидемиолог и инфекционист, член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий кафедрой бактериологии и эпидемиологии Военно-медицинской академии Семен Иванович Златогоров (1873—1931). В Киеве арестовали микробиолога и эпидемиолога М. П. Нецадименко (1869—1942), в Минске — микробиолога Б. Я. Эльберта (1890—1963), в Саратове — директора Краевого противочумного института, известного эпидемиолога С. М. Никанорова (1885—1945), в Иркутске — Н. А. Гайского (1884—1947), в Астрахани — заведующего противочумной лабораторией С. В. Суворова (1884—1955), в Одессе — заведующего кафедрой эпидемиологии медицинского института В. А. Башенниа (1882—1978).

Для того, чтобы понять ущерб, нанесенный нашей науке этими репрессиями, нужно вспомнить биографии этих ученых и представить себе их место в развитии отечественной микробиологии и иммунологии.

Степан Васильевич Коршун родился в 1868 г. В 1887 г. после окончания Харьковской гимназии поступает на медицинский факультет Харьковского университета и в 1893 г. получает звание лекаря с отличием. С 1895 г. он сотрудник Бактериологического института Харьковского медицинского общества, возглавляемого тогда одним из основоположников отечественной микробиологии В. К.

Высоковичем, учеником которого Коршун по существу был. В 1901 г. командировается за границу и работает в лаборатории знаменитого П. Эрлиха. По возвращении в 1903 г. защищает докторскую диссертацию о связях токсинов и энзимов. В этом же году избирается приват-до-

Степан Васильевич Коршун (1868—1931)

центом кафедры гигиены. В 1906 г. снова отправляется за границу и работает в Париже в Пастеровском институте у И. И. Мечникова и в Институте гигиены в Берлине. С. В. Коршун быстро выдвигается, и в 1908 г. он уже руководитель Харьковского бактериологического института,

кафедры гигиены Харьковского университета. В 1923 г. приглашен в Москву и до 1930 г. (т. е. до момента ареста) был директором Института им. И. И. Мечникова. Активный участник большинства всероссийских и всесоюзных съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей. Внес большой вклад в разработку методики серологической диагностики сыпного тифа и специфической профилактики scarlatina, дифтерии, туберкулеза. Последние годы жизни уделял большое внимание разработке убитой вакцины против кишечных инфекций. В конце 20-х годов С. В. Коршун был одним из признанных лидеров в микробиологии и иммунологии.

Не менее крупной фигурой в области отечественной микробиологии и эпидемиологии был Семен Иванович

Виктор Андреевич Башенин (1882—1978): фотография 1929 г.

Златогоров. Он родился в 1873 г., закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге в 1896 г. Был оставлен при академии и работал на кафедре заразных болезней с бактериологией под руководством С. С. Боткина, а затем Н. Я. Чистовича. В 1900 г. защитил докторскую диссертацию «К вопросу о судьбе бактерий в организме животных восприимчивых и невосприимчивых» и в 1903 г. утверждается приват-доцентом в Военно-медицинской академии, одновременно преподает в Женском медицинском институте бактериологию на кафедре, руководимой Д. К. Заболотным. По всей видимости, именно тогда начинается сотрудничество С. И. Златогорова с Д. К. Заболотным. Он участвует в организованной Заболотным в 1911 г. экспедиции для борьбы с чумой в Маньчжурии и часто замещает его во время многочисленных командировок. С 1911 г. С. И. Златогоров профессор бактериологии и инфекционных болезней Психоневрологического института, организованного В. М. Бехтеревым, и одновременно преподает в Женском медицинском институте, а с 1920 г. и в Военно-медицинской академии. В 1924 г. Златогоров уезжает в Харьков, где возглавляет Украинский санитарно-бактериологический институт, оставленный в 1923 г. С. В. Коршуном, но как только освобождается кафедра бактериологии и эпидемиологии в Военно-медицинской академии, он немедленно возвращается в Санкт-Петербург. В 1929 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. С. И. Златогоров опубликовал более 150 научных работ, посвященных этиологии чумы, холеры, сыпного тифа; он — автор гипотезы о вирусной природе возбудителя скарлатины. Внес большой вклад в изучение изменчивости микроорганизмов и значения этого явления для производства бактериальных препаратов. Выяснил продолжительность бактерионосительства при чуме и холере. Был автором капитальных руководств по бактериологии: «Учение о микроорганизмах», ч. 1—3 (Петроград, 1916—1918 гг.), «Учение об инфекции и иммунитете» (Харьков, 1928).

В Киеве был арестован Марк Петрович Нещадименко — заведующий кафедрой микробиологии и эпидемиологии Киевского медицинского института, известный своими трудами в области вакцинно-сывороточного дела, в Минске — Борис Яковлевич Эльберт — заведующий кафедрой микробиологии медицинского факультета Бело-

русского университета и руководитель Санитарно-бактериологического института.

Среди репрессированных оказались и несколько известных ученых-чумологов, и первым среди них был доктор Государственного краевого института микробиологии и эпидемиологии в Саратове (ныне Всесоюзный научно-исследовательский противочумный институт «Микроб») Сергей Михайлович Никаноров — один из руководителей борьбы с чумой на юго-востоке России, автор ряда работ по эпидемиологии, эпизоотологии и микробиологии чумы. Им была установлена роль полевых мышей (1915), желтых и степных сусликов (1925) и песчанок (1924) в носительстве и хранении возбудителя чумы в природе. Отмечено значение здоровых бациллоносителей в эпидемиологии чумной инфокации и открыт эндемический очаг чумы в Мангышлакских степях (1927). Никаноров был организатором и руководителем противочумных совещаний 1920—1927 гг., участником и докладчиком ряда всероссийских и всесоюзных совещаний и съездов бактериологов, эпидемиологов и санитарных врачей, является автором руководства «Чума и меры борьбы с ней» (1927). Он пользовался огромным авторитетом среди сотрудников противочумных учреждений. Достаточно сказать, что он был первым кавалером ордена Трудового Красного Знамени среди врачей (награжден 31 января 1926 г.), а нарком здравоохранения РСФСР А. Н. Семашко характеризовал его как ученого *«счастливо сочетающего в своем лице глубокие знания специалиста с неутомимой энергией общественного работника»**.

Вместе с С. М. Никаноровым были арестованы научный руководитель Иркутского противочумного института Н. А. Гайский и заведующий Астраханской противочумной лабораторией С. В. Суворов.

Николай Акимович Гайский по окончании в 1912 г. медицинского факультета Новороссийского университета работал в Самарском земстве и принимал активное участие в борьбе с чумой. После революции он сотрудник уже упомянутого выше Саратовского противочумного института. В 1937 г. заведовал Ашхабадской противочумной станцией, а с 1939 г. научный руководитель Иркутского

* Жур. Гигиена и эпидемиология. — 1926. — № 2. — С. 103.

противочумного института. Н. А. Гайский — автор интересных и важных с точки зрения эпидемиологии чумы работ о течении чумной инфекции у сусликов во время зимней спячки. Он вместе с Б. Я. Эльбертом получил attenuированный штамм возбудителя туляремии, из которого готовится живая вакцина против этой болезни.

Сергей Васильевич Суворов окончил Томский университет. В 1912—1913 гг. специализировался по чуме в знаменитой лаборатории («чумном форте») Института экспериментальной медицины и с этого момента целиком посвятил себя изучению чумной инфекции. В 1922—1930 гг. заведовал Астраханской противочумной лабораторией, одновременно в 1928—1930 гг. — доцент по курсу эпидемиологии в Астраханском медицинском институте.

Особо нужно остановиться на биографии профессора Одесского медицинского института В. А. Башенина потому, что машинопись его воспоминаний пока единственный источник сведений о событиях тех далеких уже лет.

Виктор Андреевич Башенин родился в 1882 г. в Новьянском заводе Пермской губернии. В 1907 г. закончил Военно-медицинскую академию. Участвовал в студенческих беспорядках, связанных с событиями 1905 г. После окончания ВМА был направлен для прохождения службы в Среднюю Азию. С первых дней мировой войны находился на фронте. К этому времени относится и начало его эпидемиологической деятельности. В апреле 1917 г. на съезде военных врачей 2-й армии Западного фронта был избран членом Главного военно-санитарного Совета, распущенного после Октябрьской революции. В качестве военного врача принимал участие в гражданской войне. В 1919 г. боролся с эпидемией сыпного тифа в Сибири. С 1920 г. — сотрудник научно-исследовательского института в Москве, а в 1929 г. избирается на должность заведующего кафедрой эпидемиологии Одесского медицинского института. К моменту своего ареста в сентябре 1930 г. В. А. Башенин был уже достаточно известен среди специалистов как автор работ по эпидемиологии сыпного тифа, кишечных инфекций, лептоспирозов («водной лихорадки»). Лекции, прочитанные им в Одессе, послужили основой для учебника «Общая эпидемиология», изданного в 1936 г.

И это далеко не полный перечень ученых микробиологов и эпидемиологов, подвергшихся тогда репрессиям.

Долгое время все, что касается «дела Коршуна», а именно так называли эти трагические события немногие из живших в 60—70-е годы его участники, было окутано тайной. Архивы, где хранится все, что касается «дела Коршуна», продолжают быть закрытыми, а из тех, кто проходил по этому делу и были арестованы, оставались в живых всего два-три человека. Последним из них был профессор В. А. Башенин, возглавлявший после войны кафедру эпидемиологии в Санкт-Петербурге. В 1978 г. он умер, и в его архиве оказалась справка со штампом Военной коллегии Верховного суда Союза ССР от 5 мая 1959 г. В справке написано:

«Дело по обвинению Башенина Виктора Андреевича до ареста (14 августа 1930 года) профессора эпидемиологии в Одесском медицинском институте, рассмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР 28 апреля 1959 года. Постановление от 30 мая 1931 года в отношении Башенина В. А. отменено и дело за отсутствием состава преступления прекращено, Башенин В. А. по данному делу реабилитирован. Председательствующий судебного состава Военной коллегии Верховного суда СССР полковник юстиции. Подпись (Б. Цырлинский). Печать Военной коллегии Верховного суда СССР».

О том, что Виктор Андреевич в прошлом был репрессирован, было известно и раньше, и именно от В. А. Башенина я впервые услышал о «деле Коршуна». Потом об этом «деле» рассказывал мне профессор Б. С. Дубровинский, сам привлекавшийся по нему в 1930 г. Но первым, так сказать вещественным подтверждением существования этого дела, явилась справка из архива В. А. Башенина и его воспоминания.

В чем обвиняли арестованных ученых? Это пока так и остается неизвестным. Ни В. А. Башенин, ни С. Б. Дубровинский говорить на эту тему не хотели: слишком уж чудовищными и несуразными были эти обвинения. «Все от начала до конца было фильсифицировано», — говорил В. А. Башенин. Но тем не менее арестованных продержали в тюрьме под следствием почти год.

Не выдержал и тяжело заболел Семен Иванович Златогоров. Его сначала поместили в больницу, а затем не-

задолго до смерти выпустили, и он умер в 1931 г. Не выдержал и умер главное действующее лицо сфабрикованного дела — Семен Васильевич Коршун, а остальных, по всей видимости, «признавших свою вину», в октябре 1931 г. по железной дороге под конвоем отправили в г. Владимир. «Из Владимира, — пишет в своих воспоминаниях В. А. Башенин, — приехали в г. Суздаль, в старинный Покровский женский монастырь, расположенный за городом». Там располагался только что открытый «Биотехнический институт РККА».

И вот именно для этого института нужны были высококвалифицированные научные сотрудники. А так как русские интеллигенты того времени не считали за честь работать в закрытых научных учреждениях, где не разрешают спрашивать, как будут использованы получаемые результаты — на пользу или во вред людям — то, естественно, если бы предложили им добровольно переехать из Москвы, Санкт-Петербурга или Одессы в Суздаль, то все бы они категорически отказались. Тогда-то и был придуман этот вероломный акт. Ученых арестовали и обвинили в каких-то не совершенных ими и часто просто несурзных преступлениях. Побоями и пытками добивались от них «признания». Затем судили — судом быстрым и неправым — и после этого отправляли работать в какое-то засекреченное учреждение. *«Вскоре по приезду в Суздаль, — пишет В. А. Башенин, — мы были расконвоированы, и через год мне разрешили пригласить в Суздаль семью. ...была начислена зарплата».*

В 1934 г. институт был переведен ближе к Москве в деревню Власиха, в специально построенное здание. Директором института был назначен молодой, впоследствии расстрелянный, профессор Великанов.

«А 15 ноября 1937 г., — пишет В. А. Башенин, — институт был закрыт и его сотрудники получили возможность выбора места работы и жительства». В. А. Башенин устроился в Москве, в Московский клинический институт инфекционных болезней.

Но реабилитации не последовали, и большая часть ученых-микробиологов и эпидемиологов, проходивших по «делу Коршуна», до конца жизни оставались под гнетом необоснованных и тяжелых обвинений, и только немно-

гим посчастливилось дожить до реабилитации, последовавшей в 1959 г.

Так была сломлена жизнь десятков выдающихся отечественных микробиологов и эпидемиологов, что роковым образом сказалось на состоянии этих наук в нашей стране.

В начале XX столетия русская эпидемиология, микробиология и иммунология занимали ведущее положение в мировой медицинской науке. Как справедливо утверждал в 1924 г. академик В. Л. Омелянский, «эпидемиология была наполовину русской наукой», а имена И. И. Мечникова, С. Н. Виноградского ставились рядом с именами Л. Пастера и Р. Коха.

Но в конце 20-х годов эти науки понесли тяжелые утраты: ушли их признанные лидеры. 12 июня 1927 г. кончает жизнь самоубийством председатель Ученого медицинского совета Наркомздрава РСФСР и директор Государственного научного института народного здравоохранения (ГИНЗ) академик Л. А. Тарасевич, а в 1929 г. умирает академик Д. К. Заболотный, затем последовали трагические события, связанные с «делом Коршуна». И по существу сразу были обезглавлены советская микробиология и эпидемиология.

В конце 30-х годов последовала следующая волна репрессий, обрушившаяся уже на второе поколение микробиологов и эпидемиологов. Были арестованы и погибли научный руководитель Центрального института микробиологии и эпидемиологии в Москве, известный советский микробиолог и эпидемиолог Владимир Александрович Барыкин (1879—1942), заместитель директора по научной работе Ленинградского института микробиологии и эпидемиологии им. Пастера — Оскар Оскарович Гартох (1881—1942), заведующий кафедрой микробиологии 2-го Московского медицинского института — Илья Львович Кричевский (1883—1943).

Особенно большой потерей был арест В. А. Барыкина — выдающегося микробиолога и иммунолога, оригинального исследователя и создателя большой научной школы. Репрессиям подверглись и его ученики и сотрудники: был арестован и погиб эпидемиолог А. А. Захаров, оказались в заточении впоследствии известные советские

ученые, академики Павел Феликсович Здродовский и Лев Александрович Зильбер, а также и еще целый ряд известных микробиологов и эпидемиологов.

По существу была разрушена основа научного общества и не только в результате физического отстранения (изоляции) лидеров, но и вследствие глубочайшей деформации психологического климата научного сообщества. За арестами последовали волны клеветнических выступлений, доносов и предательств. Так, например, в 1930 г. в газете «Советский врач» (1930, 2, 115—116) можно прочесть:

«... в Московском институте им. Эрисмана состоялось общее собрание сотрудников, специалистов, заслушавших доклад товарища Великанова о результатах выбора президиума Совета бактериологического общества и обсудившее заметку тов. Рыклина «Коршун и микробы», помещенную в «Известиях ВЦИКа». Собрание приняло резолюцию... Мы специалисты института Эрисмана осудили идеалистические взгляды проф. Коршуна и ему подобных».

Разрушению научного сообщества в области профилактических дисциплин (микробиологии, иммунологии, эпидемиологии) способствовали и репрессии, обрушившиеся в 1937—1939 гг. на санитарно-эпидемиологическую службу страны. В 1932 г. из Наркомздрава РСФСР уходит «первый санитарный врач Республики» Алексей Николаевич Сысин (1879—1956), олицетворявший собой прямую связь нашей санитарно-эпидемиологической службы с общественными земскими и городскими санитарными организациями дореволюционной России. Подвергается репрессиям заведующий эпидотделом Наркомздрава РСФСР И. А. Добрейцер. В 1938 г. был арестован и погибает создатель Государственной санитарной инспекции и первый Главный санитарный инспектор страны, а с 1934 г. нарком здравоохранения СССР Григорий Наумович Каминский (1895—1938).

Урон, который понесло практическое здравоохранение, и прежде всего санитарно-эпидемиологическая служба, не мог не сказаться и на состоянии профилактических дисциплин и усугубил их бедственное положение.

После этих ударов отечественные микробиология, иммунология и эпидемиология уже не могли оправиться и прочно утвердились далеко не на первых позициях в мировой науке.

TRAGEDY OF RUSSIAN MICROBIOLOGY

K. VASILJEV

Odessa

Summary

The article tells us about the tragic events of 1930, when a number of leading Soviet microbiologists and epidemiologists became subject to repression (S. Korshun, S. Zlatogorov, S. Nikonorov, B. Bashenin et. al.). These events and the death of D. Zabolotny and L. Tarasevich and the second wave of repressions following at the end of the thirties undermined the foundation of the scientific co-operation of Russian scientists-microbiologists and created conditions for a sharp decrease of efficiency of their scientific activities, the effect being felt even up to our days.

Доктор мед. наук профессор

Васильев Константин Георгиевич

270114, Одесса, а/я 202

Украина